

Политико-правовое противодействие подрыву основ государственности России

Ольга БОБРОВА

Алексей ПОДБЕРЁЗКИН

Лучшее государственное устройство для любого народа –
это то, которое сохранило его как целое.

Мишель де Монтень

В соответствии с Конституцией Российской Федерации федеративное устройство страны основано на её государственной целостности, единстве системы государственной власти, разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти России и органами государственной власти субъектов Федерации, равноправии и самоопределении народов (ст. 5, ч. 3).

Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 1 мая 2005 г. № 1-П [1], в современных условиях, когда рос-

БОБРОВА Ольга Викторовна – кандидат юридических наук, зав. отделом научной информации и издательской деятельности Университета прокуратуры РФ. E-mail: bogomazova@mail.ru

ПОДБЕРЁЗКИН Алексей Иванович – доктор исторических наук, профессор, директор Центра Военно-политических исследований МГИМО МИД России – Концерн ВКО «Алмаз-Антей». E-mail: podberezkin@gmail.com

Ключевые слова: Конституция России, прокурор, суд, национальная безопасность, НКО, СМИ.

¹ Постановление от 1 мая 2005 г. № 1-П // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19910/

сийское общество ещё не приобрело прочный опыт демократического существования, при том что имеют место серьёзные вызовы со стороны сепаратистских, националистических, террористических сил, создание региональных политических партий – поскольку они стремились бы к отстаиванию преимущественно своих, сугубо региональных и местных, интересов, – могло бы привести к нарушению государственной целостности и единства системы государственной власти как основ федеративного устройства России.

В целях защиты прав и свобод человека и гражданина, обеспечения законности, правопорядка, государственной и общественной безопасности, обороны страны, а также в иных конституционно значимых целях федеральный законодатель не только вправе, но и обязан использовать все доступные – в рамках своих дискреционных полномочий – средства, включая установление того или иного вида юридической ответственности, руководствуясь при этом общими её принципами, которые имеют универсальное значение и по своей сути относятся к основам конституционного правопорядка. На это неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации.

На современном этапе правоохранительная система страны вырабатывает комплексные научные и практические подходы оказания противодействия недружественному внедрению в общественно-политическую систему государственного устройства России.

Противодействие правовыми средствами и мерами распространению заведомо искажающей информации является важной, хотя и не главной областью информационного противоборства между субъектами международных отношений.

Это правовое противодействие носит избирательный характер.

Как отметил генеральный прокурор России И. В. Краснов, выступая на совещании «Об итогах работы органов прокуратуры в первом полугодии 2021 г. и исполнения ранее данных поручений Ге-

неральной прокуратуры Российской Федерации» для обеспечения защиты интересов страны от внешних посягательств, создающих почву для формирования угроз национальной безопасности, Генпрокуратурой России признана нежелательной деятельность девяти международных организаций, ограничен доступ к их интернет-ресурсам [2].

Органы прокуратуры на системной основе уделяют важное внимание и принимают комплекс мер прокурорского реагирования* в вопросах защиты государственности и основ Конституции страны. Возложение надзора за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» обусловлено, как указывал Конституционный Суд России, целями обеспечения верховенства

² <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=64046867>

* Согласно ст. 8 ФЗ от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», Указу Президента РФ от 18 апреля 1996 г. № 567 «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» органы прокуратуры осуществляют координацию деятельности правоохранительных органов на основе комплексного анализа и мониторинга состояния законности и иной правонарушаемости.

закона, единства правового пространства, укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства, что соотносится с положениями ст. 2, 4 (ч. 2), 15 (ч. 1 и 2) и 18 Конституции России. На органы прокуратуры распространяется требование Конституции России о соблюдении прав и свобод человека и гражданина, а реализация прокурором его полномочий не должна приводить к подмене функций других органов публичной власти*.

Приведённые положения Конституции Российской Федерации и основанные на них правовые позиции Конституционного Суда России говорят о том, что осуществляемая прокуратурой функция надзора за исполнением законов является самостоятельной (обособленной) формой реализации контрольной функции государства, в рамках которой обеспечивается неукоснительное соблюдение Конституции страны и законов, действующих на территории России, в том числе теми государственными органами, на которые возложены функции специального (ведомственного) государственного контроля (надзора).

Принципиальное требование п. 2 ст. 21 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации», согласно которому при осуществлении надзора за исполнением законов органы прокуратуры не подменяют иные государственные органы, подчёркивает

именно вневедомственный и межотраслевой характер прокурорского надзора как института, предназначенного для универсальной, постоянной и эффективной защиты конституционно значимых ценностей. При этом во взаимоотношениях с другими государственными органами, осуществляющими функции государственного контроля (надзора), прокуратура Российской Федерации занимает координирующее положение на основе специального правового регулирования порядка реализации ею надзорных функций**.

Так, 23 августа 2021 г. по результатам изучения поступивших материалов в Генеральной прокуратуре России принято решение о признании нежелательной на территории страны деятельности следующих неправительственных организаций (НПО):

- Международное христианское движение «Новое поколение» (Латвийская Республика);
- *Evangelisko kristiešu baznīca «Jaunā Paaudze»* (Евангельская христианская церковь «Новое поколение») (Латвийская Республика);
- *Духовне Управління Євангельських Християн Української Християнської Церкви «Нове Покоління»* (Духовное управление евангельских христиан Украинской христианской церкви «Новое поколение») (Украина);
- *Духовний Навчальний Заклад Міжнародний Біблійний Коледж «Нове Покоління»* (духовное учебное заведение Международный библейский колледж «Новое поколение») (Украина).

Поводом для принятия данного решения послужило то, что их деятельность представляет угрозу осно-

* Постановление от 18 февраля 2000 г. № 3-П и от 11 апреля 2000 г. № 6-П; определение от 24 февраля 2005 г. № 84-О.

** Постановление Конституционного Суда РФ от 17 февраля 2015 г. № 2-П // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_137857/

вам конституционного строя и безопасности Российской Федерации.

Признание нежелательной на российской территории деятельности иностранной или международной НПО влечёт за собой в том числе запрет на создание на территории России структурных подразделений и прекращение деятельности ранее созданных.

За деятельность этих организаций на территории России законодательством предусмотрена административная и уголовная ответственность. Информация о принятом решении направлена в Минюст России для внесения сведений в перечень иностранных и международных НПО, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации, и их обнародования [3].

По мнению экспертов В. В. Гончарова и С. Ю. Пояркова, «проблема организации и осуществления взаимного контроля гражданского общества и государственного механизма обусловлена необходимостью, с одной стороны, ограничить произвол государственных чиновников и подчинить их деятельность исключительно закону, а с другой стороны, поставить деятельность институтов гражданского общества под пристальный контроль органов власти с целью недопущения проникновения в институты гражданского общества

агентов иностранного влияния с целью подрыва государственного суверенитета, независимости государственной власти, насильственной смены политического режима, подрыва обороноспособности, экономической мощи государства в интересах иных государств, межгосударственных и международных организаций» [4].

С принятием ФЗ от 20 июля 2012 г. № 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» в российском законодательстве закрепились и легализовались понятие «НКО, выполняющая функции иностранного агента»*.

Федеральным законом от 5 апреля 2021 г. № 75-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О некоммерческих организациях”» законодатель внёс ряд изменений, направленных на совершенствование регулирования деятельности НКО, выполняющих функции иностранного агента.

В новеллах среди прочего предусматривается:

– запрет на регистрацию структурных подразделений иностранных НКО в жилых помещениях;

³ <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=64687452>

⁴ Гончаров В. В., Поярков С. Ю. Взаимодействие государства и гражданского общества в контексте конституционализма: теоретико-методологические проблемы и пути их разрешения // Современное право. 2015. № 5. С. 23.

* НКО – иностранный агент – общественная организация, выполняющая функцию зарубежного государственного института. Под понятием «иностранный агент» понимаются российские некоммерческие организации, получающие денежные средства и иное имущество от иностранных государств, их государственных органов, международных и иностранных организаций, иностранных граждан, лиц без гражданства (либо уполномоченных ими лиц и (или) от российских юридических лиц, получающих денежные средства и иное имущество от указанных источников (за исключением открытых акционерных обществ с государственным участием и их дочерних обществ), и участвующие в том числе в интересах иностранных источников в политической деятельности, осуществляемой на территории Российской Федерации.

- введение дополнительного основания для проведения внеплановой проверки;

- обязанность НКО, выполняющих функции иностранного агента, и структурных подразделений иностранных НКО представлять в Минюст России программы и иные документы, являющиеся основанием для проведения мероприятий, и отчёт об их исполнении.

Этот закон может коснуться любого, кто в интересах другого государства участвует в политике или собирает значимые сведения.

Так, более 990 млн руб. в 2020 г. были переведены на счета 44 НКО – иноагентов в России. Об этом сообщил глава комиссии Госдумы по расследованию фактов вмешательства иностранных государств во внутренние дела страны В. Пискарев. По его словам, объём перечислений показывает тенденцию к росту. «На протяжении 2020 года на счета 44 из 75 НКО-иноагентов от иностранных источников получено порядка 994 млн рублей. Объём перечислений в 2020 году увеличился примерно на 20% по сравнению с 2019 годом». Наибольшие суммы для НКО-иноагентов поступали от иностранных плательщиков из Великобритании, Бельгии, Швейцарии и Германии.

Депутат Госдумы Е. Фёдоров выступил с предложением о запрете НКО и СМИ, признанных правительством России иностранными агентами, осуществлять социологические опросы во время избирательных кампаний.

30 апреля 2021 г. президент России В. В. Путин подписал закон, предусматривающий введение штрафов за публикацию в СМИ материалов СМИ-иноагентов без соответствующей маркировки.

Из-за неисполнения этого требования в отношении иноагентов составляются протоколы [5].

Эффективное современное сопротивление в мире возможно только при условии понимания целей и средств политики потенциального противника, прежде всего особенностей силовой политики.

В XXI в. главной особенностью такой политики стало быстрое приобретение институтами государства и общества самостоятельных силовых политических функций как во внешней политике («цветные революции» в ряде стран Северной Африки, на Украине, в Грузии, Молдавии и Армении), так и во внутренней политике (бунт БЛМ в США, эмигрантские бунты в Германии и других странах Европы, «оранжевые жилеты» – во Франции и т. д.). Именно такие институты стали ведущими акторами* мировой политики, что ещё раз продемонстрировали события в Афганистане.

Эти институты можно разделить на несколько групп, прежде всего на государственные и негосударственные (общественные, бизнес, личные), хотя такое деление достаточно условно.

Так, например, СМИ, которые российский Минюст относит к «иностраным агентам» или выполняющими их функции, могут быть как государственными, так и общественными, и частными, и личными как по форме собственности, так и по источникам финансирования [6].

⁵ <https://iz.ru/1176071/2021-06-08/v-gosdume-nazvali-obem-finansirovaniia-nko-inoagentov-v-rf-iz-za-rubezha>

⁶ Подберёзкин А., Родионов О. Институты развития национального человеческого капитала – альтернатива силовым средствам политики // Обозреватель-Observer. 2021. № 7.

* Акторы – негосударственные субъекты политики, как правило, институты развития общества.

У государства (в лице его институтов) существует немало инструментов влияния на враждебные информационно-когнитивные средства (СМИ и другие средства влияния на общественное мнение) как национальные, так и международные. Можно выделить основные:

- политико-административные ресурсы (вплоть до запрета (ликвидации) всех негосударственных оппозиционных организаций развития в тоталитарных странах или их полного контроля со стороны властей);

- финансово-экономические средства (от прямого финансирования до налоговых ограничений и запретов);

- информационно-пропагандистские средства (информационно-популистская поддержка либо ограничения в деятельности СМИ);

- морально-политические средства (от прямой политической поддержки институтов развития (ИР) до создания негативного политического климата);

- средства и меры правового регулирования деятельности зарубежных и национальных негосударственных институтов.

Особенность правового принуждения состоит в том, что в результате воздействия средствами всех перечисленных инструментов государства обеспечивается соблюдение общественно-политического баланса. Более того, нередко правовая гильотина – это главный, а порой и

единственный инструмент влияния государства на деятельность государственных и негосударственных институтов.

Наиболее действенным средством является информационное противоборство, которое за многовековую историю дезинформации как средство достижения победы над противником стало основным. Это вызвано объективными изменениями:

- современный человек погружён в «информационный конгломерат-паутину», абстрагироваться от которого у него нет возможности;

- состав информации контролируется (в порядке убывания влияния) глобальными IT-корпорациями, государствами, бизнесом, социальными объединениями и институтами;

- потребители участвуют в создании контента, давая материал для изучения себя и в конечном счёте для манипуляции собою;

- предлагаемые традиционные меры и методики противодействия подобному воздействию оказываются малоэффективными.

Последние 50 лет политика субъектов международной обстановки находится под усиливающимся воздействием информационной среды, которая представляет собой широкий спектр систем, субъектов, технологий и соответствующих механизмов и мер по развитию и использованию информации*.

* Под информационной сферой понимается совокупность информации, объектов информатизации, информационных систем, сайтов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, сетей связи, информационных технологий, субъектов, деятельность которых связана с формированием и обработкой информации, развитием и использованием названных технологий, обеспечением информационной безопасности, а также совокупность механизмов регулирования соответствующих общественных отношений (Указ президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Доктрина информационной безопасности»).

Такое широкое понимание и толкование объекта (информационной среды) расширяет как политическую, так и правовую основу его регулирования до практически бесконечных пределов, создавая объективные и часто труднопреодолимые преграды для регулирования и организации эффективного противодействия. Это же обстоятельство объясняет трудности в определении угроз использования заведомо ложной информации*, её основных направлений и способов, прежде всего в отношении интересов национальной безопасности.

Общее определение угроз информационной безопасности дано в Доктрине информационной безопасности.

В указанной доктрине угроза сформулирована следующим образом:

«б) угроза информационной безопасности Российской Федерации (далее – информационная угроза) – совокупность действий и факторов, создающих опасность нанесения ущерба национальным интересам в информационной сфере» [7].

Как кажется, это общее представление должно быть положено в качестве основания для оценки угроз информационной безопасности страны. Но это предполагает отступление от чёткой правовой оценки регламентации в сторону политической, достаточно субъективной, оценки информационной угрозы.

Проблема пресечения влияния заведомо ложной информации – прямое следствие и часть более об-

щей проблемы того, что в последние десятилетия противники России используют в качестве силовых инструментов своей политики влияния на институты развития (ИР) государства и общества.

В более точной формулировке эта тема может быть охарактеризована следующим образом: государственные и общественные институты развития национального человеческого капитала (НЧК) России выступают как инструменты противоборства с враждебными ИР НЧК других субъектов военно-политической обстановки (ВПО) в условиях обострения противостояния с западной военно-политической коалицией. Собственно дезинформация – это только относительно небольшая часть деятельности по формированию необходимой информационной среды у противника. Таким образом, главным предметом информационного противоборства являются государственные и негосударственные институты развития национального человеческого капитала, противостоящие ИР НЧК противника, в частности НКО, другие субъекты международных отношений.

Развитые западные государства и их институты в последние десятилетия не только уделяют в своей информационно-силовой политике приоритетное внимание силовым возможностям негосударственным

⁷ Указ президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Доктрина информационной безопасности» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71456224/>

* Заведомо ложная информация – клевета. Если лицо, распространившее ложные измышления, добросовестно заблуждалось относительно соответствия действительности распространяемых им сведений, однако высказывания его носили оскорбительный характер, оно может быть привлечено к ответственности за оскорбление, а не за клевету.

институтам*, но и тщательно скрывают своё участие в создании и деятельности таких «негосударственных» институтов, масштабы которых трудно представить полностью.

Так, бывший сотрудник ЦРУ Э. Сноуден говорил ещё в 2013 г. о более 60 тыс. сотрудниках ЦРУ и СНБ, которые формально работают в бизнес-структурах и некоммерческих организациях [8].

Примерно столько же числится и в негосударственных военных частных компаниях (ВЧК) США, а в некоторых странах (в Ираке, например) их численность была ещё больше.

Очевидно, что увеличение таких силовых функций ИР в политике Запада требует мер по повышению эффективности всего спектра мер и средств противодействия. Причём в самом широком контексте политики национальной безопасности от военно-силовых до информационных, административно-правовых и ментально-когнитивных [9].

Применительно к противодействию враждебным ИР НЧК современная эффективная стратегия национальной безопасности государства должна быть скорректирована.

Во-первых, приоритеты развития собственных институтов, как государственных, так и негосударственных,

относительно других областей развития экономики, общества и человека.

Практически в любой области жизнедеятельности требуется переоценка значения ИР НЧК относительно других ресурсов и средств.

Так, например, если говорить о здравоохранении и образовании, то требуется акцентировать внимание не столько на строительстве новых объектов и закупке оборудования (что делается в первую очередь чиновниками), а на подготовке кадров и улучшении условий их работы.

Развитие институтов НЧК в политике, общественной и экономической жизни – главное средство укрепления внутриполитической стабильности и повышения эффективности управления. Развитие материальных возможностей политики без развития институтов (в том числе идей, концепций, человеческого потенциала) – малоэффективно.

Пример проводимой политики М. Горбачёва, которая не опиралась на продуманные стратегии и планы, институты, очень показателен. Огромные государственные запасы, внешние займы, закупки оборудования в конце 80-х годов оказались в итоге бессмысленными, а как показали дальнейшие события – и вредными**.

⁸ Сноуден Э. Личное дело / пер. с англ. Л. Лазаревой. М.: Эксмо, 2020. С. 10–17.

⁹ Байгузин Р. Н., Подберёзкин А. И. Политика и стратегия. Оценка и прогноз развития стратегической обстановки и военной политики России. М.: Юстицинформ, 2021.

* Дж. Байден в своей первой речи, посвящённой национальной безопасности, прямо подчеркнул значение американского превосходства в институтах развития (*Biden J. R. Interim National Security Strategy Guidance. Wash.: White House, 2021. March*).

** К концу 80-х годов в СССР появилось огромное количество импортного неустановленного оборудования и значительные объёмы незавершённого строительства, которое позже было растащено и приватизировано, но легло тяжёлым бременем внешнего долга на Россию как преемницу СССР. В это время А.И. Подберёзкин с коллегами были составлены тома справочников по незавершённым сверхлимитным стройкам и неустановленному оборудованию, которое было закуплено, но не использовалось, нередко просто пропадало, а его стоимость составляла сотни миллиардов долларов.

Следствием политико-идеологического хаоса конца 80-х – начала 90-х годов стала неэффективность всего государственного управления в СССР, а затем и России. Этот кризис затянулся вплоть до сегодняшнего дня, превратившись в государственном управлении в доминирование принципов обогащения и стремления к власти. Внешнеполитические приоритеты и приоритеты безопасности в стране не приобрели системно чётких контуров.

Внешнеполитические приоритеты и приоритеты безопасности в России находятся в стадии формирования. Примечательно в этой связи признание многолетнего директора филиала фонда Карнеги в Москве Д. Тренина: «Главный признак великой державы – самостоятельность и устойчивость во внешней политике, свобода выбора..., а также определённый уровень политического влияния на глобальном уровне».

Этот статус предполагает наличие соответствующего военного потенциала, существенных экономических и особенно технологических возможностей [10], а также политической воли, опирающейся не только на устойчивую поддержку элит и большинства населения, но и на национальную духовно-нравственную, правовую и политическую культуру» [11, с. 71].

Во-вторых, институты развития НЧК объективно стали в последние десятилетия главными инструментами не только политики безопасности, но и всей внешней политики

государств, в конечном счёте демонстрируя способности эффективного противоборства, от которых у государств (и даже некоторых акторов, например, запрещённых в России движений ИГИЛ и «Талибан») зависит степень государственного и национального суверенитета.

Присутствие суверенных в той или иной степени национальных ИР и участие в международных институтах стало важнейшим условием деятельности государства – от спортивного движения, научных и культурных обменов, международных инструментов безопасности до ограничения вооружений и военной деятельности. При этом деятельность тех или иных субъектов и их институтов развития в международной жизни в ряде вопросов лимитировано реальным, а не формальным суверенитетом.

Широкий спектр разработки и применения самых разнообразных санкций в отношении России (отдельных её представителей политического, культурного корпуса и др.) в 2008–2021 гг. показал, что все они укладываются в более общую схему разработанной стратегии морально-политической дискредитации и изоляции России, которая во многом повторяла европейскую политику XIX в.

Об этом писал ещё русский дипломат и поэт Ф. И. Тютчев в серии статей на французском языке, посвящённых отношениям России с Европой: «Письмо к г-ну доктору Кольбу» (1844г.), «Записка царю» (1845 г.), «Россия и революция» (1849 г.), «Пап-

¹⁰ Зарудницкий В. Б. Факторы достижения победы в военных конфликтах будущего // Военная мысль. 2021. № 8.

¹¹ Тренин Д. Новый баланс сил: Россия в поисках внешнеполитического равновесия. М.: Альпина Пабlishер, 2021.

ство и римский вопрос» (1850 г.). Две последние являются одними из глав незавершённого трактата «Россия и Запад». Эти отношения, как известно, перешли в Крымскую войну, где Россия противостояла «коллективному Западу», включая и те страны, которые ей были обязаны своим суверенитетом и независимостью.

В XXI в. ситуация во многом повторяется с той разницей, что кроме Запада появились новые влиятельные политические и экономические центры силы за пределами Атлантики, которые стремятся освободиться от навязанных им норм и развить в полной мере суверенитет.

Интересен пример в этой связи Индии, которая настойчиво укрепляет формально неформальный суверенитет, например, в военно-технической области, развивая собственный ВПК и диверсифицируя внешнеэкономические связи с США, Россией и Францией.

Тем не менее информационное лидерство Запада накладывает особые отпечатки на усиление его противоборства с Россией. Это вызвано прежде всего тем, что основной областью такого противоборства становится информационно-когнитивная область – область, где формируются системы духовно-нравственных ценностей, национальная идентичность и национальные приоритеты*.

В-третьих, смена главной цели – уничтожение суверенитета (её пре-

ращение в промежуточную цель) на цивилизационную – уничтожение исторического и духовного наследия нации, культуры и науки привело к тому, что институты развития, ориентированные теперь уже на эти цели (как силовые, так и несиловые – государственные и негосударственные), стали не только главными, но и самыми эффективными средствами внешней политики.

По мере развития информационных средств в последующие годы, в особенности в связи с появлением Интернета, происходила смена средств и способов информационно-когнитивной борьбы с правящими группами и обществом в противостоящих государствах.

В-четвёртых, следует учитывать, что противоборство с враждебными институтами – государственными и негосударственными – субъектов международных отношений происходит в конкретной военно-политической обстановке, которая характеризуется тем или иным сценарием (и конкретным вариантом развития такого сценария) при использовании наиболее эффективных имеющихся конкретных средств и методов противоборства, как правило, прежде всего СМИ, Интернета, НКО и т. п. [12].

Особую группу некоммерческих организаций, оказывающих существенное влияние на информационную безопасность, безотносительно к их организационно-правовым

¹² Подберёзкин А. И., Александров М. А., Артамонов Н. В. Теоретические и математические методы анализа факторов формирования оборонно-промышленного комплекса / отв. ред. А. И. Подберёзкин. М.: МГИМО-Университет, 2021. С. 138–227.

* Советник МО России А. М. Ильницкий настойчиво называет её «ментальной» областью, предлагая новую форму борьбы – «ментальную войну» (Ильницкий А. М. Ментальная война России // Военная мысль. 2021. № 8).

формам, образуют некоммерческие организации, выполняющие функции иностранного агента. По целям создания такие НКО представляют политические инструменты зарубежных государственных ИР НЧК.

Считается, что с начала XX в. в США и ряде других стран сформулировали достаточно жёсткое отношение институтов государства к негосударственным институтам, выполняющим волю зарубежных государств*.

В отличие от дипломатов, действующих легально, иностранные агенты работают, как правило, замаскированно под видом какой-либо легальной деятельности.

Именно участие в политической деятельности является основным критерием отнесения данных организаций к иностранным агентам. Этот критерий, с учётом разъяснений Конституционного Суда России [13], неоднократно, но безуспешно пытаются пересмотреть в сторону его исключения!

В этой связи нельзя не отметить особый статус Минюста России, обладающего контрольно-надзорными

функциями как механизмом воздействия на НКО.

В соответствии с постановлением Правительства России от 11 июля 2012 г. № 705 «Об утверждении Положения о федеральном государственном надзоре за деятельностью некоммерческих организаций» государственный надзор осуществляется Министерством юстиции Российской Федерации и его территориальными органами посредством проведения плановых и внеплановых документарных и выездных проверок соблюдения некоммерческими организациями требований, установленных ФЗ «О некоммерческих организациях» и иными федеральными законами, а также выполнения предупреждений (представлений) должностных лиц органов государственного надзора об устранении выявленных нарушений указанных требований.

Согласно требованиям указанного положения предметом проверок является:

а) соблюдение некоммерческими организациями (за исключением политических партий, региональных отделений и иных структурных подразделений политических партий) требований законо-

¹³ Постановление Конституционного Суда РФ от 8 апреля 2014 г. № 10-П // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_161690/

* По состоянию на март 2021 г. иностранные агенты в России делятся на три группы, которые в разные годы были определены законодательно:

- некоммерческие организации – иностранные агенты – с 2012 г.;
- СМИ – иностранные агенты – с 2017 г.;
- физические лица – иностранные агенты с 2020 г. Физическое лицо – иноагент может быть дополнительно признано СМИ, что влечёт для него обязанность регистрации соответствующего юридического лица;
- религиозные организации.

Реестры иноагентов ведёт Минюст РФ, добавляя в них информацию или удаляя оттуда организации. Минюст России может установить статус НКО как иностранного агента по своей инициативе и потребовать от НКО подать заявление о включении в реестр. При отказе Минюст имеет право оштрафовать организацию или приостановить её работу на срок до полутода. Решение Минюста может быть оспорено в судебном порядке.

дательства Российской Федерации и целей, предусмотренных их учредительными документами, в том числе требований по расходованию некоммерческими организациями денежных средств и использованию ими иного имущества;

б) соблюдение политическими партиями, региональными отделениями и иными структурными подразделениями политических партий законодательства Российской Федерации и соответствие их деятельности положениям, целям и задачам, предусмотренным уставами политических партий.

По результатам проверки должностные лица органа государственного надзора принимают меры, предусмотренные ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», «О некоммерческих организациях», «Об общественных объединениях», «О политических партиях», «О противодействии экстремистской деятельности», Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях и иными нормативными правовыми актами.

Законодатель отдельно закрепил, что плановые проверки некоммерческой организации, выполняющей функции иностранного агента, проводятся не чаще чем один раз в год.

Внеплановые же проверки некоммерческой организации, выполняющей функции иностранного агента, проходят по основаниям, указанным в п. 4.2 и с учётом положений п. 4.3 и 4.4 ст. 32 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях».

Так, Минюст России обратился в Верховный Суд Российской Федерации с административным иском о ликвидации Общероссийского общественного движения защиты прав человека «За права человека» (далее – Движение) в связи с неоднократными и грубыми нарушениями им законодательства Российской Федерации и положений, предусмотренных его уставом.

Решением Верховного Суда РФ от 1 ноября 2019 г. административное исковое заявление Минюста России удовлетворено, Движение, его региональные отделения и иные структурные подразделения ликвидированы.

Подвергнув судебному контролю решения суда по жалобе Движения, Апелляционная коллегия Верховного Суда Российской Федерации оснований для его отмены не установила по следующим основаниям.

Общественные отношения, возникающие в связи с реализацией гражданами права на объединение, созданием, деятельностью, реорганизацией и (или) ликвидацией общественных объединений, регулируются Федеральным законом от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях», который в ст. 7 называет общественное движение как одну из организационно-правовых форм общественных объединений.

В соответствии с ч. 1 ст. 29 названного закона общественное объединение обязано соблюдать законодательство Российской Федерации, информировать федеральный орган государственной регистрации об объёме денежных средств и иного имущества, полученных от иностранных источников, которые указаны в п. 6 ст. 2 ФЗ от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», о целях расходования этих денежных средств и использования иного имущества и об их фактическом расходовании и использовании по форме и в сроки, которые установлены уполномоченным федеральным органом исполнительной власти.

В силу ч. 1 ст. 26, ч. 1, 3 ст. 44 Закона «Об общественных объединениях» общественное объединение может быть ликвидировано по решению суда на основании заявления федерального органа государственной регистрации в случаях нарушения общественным объединением прав и свобод человека и гражданина; неоднократного или грубого нарушения общественным объединением Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов или иных нормативных правовых актов либо систематического осуществления общественным объединением деятельности, противоречащей его уставным целям; неустранение в срок, установленный

федеральным органом государственной регистрации или его территориальным органом, нарушений, послуживших основанием для приостановления деятельности общественного объединения.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2016 г. № 64 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел, связанных с приостановлением деятельности или ликвидацией некоммерческих организаций, а также запретом деятельности общественных или религиозных объединений, не являющихся юридическими лицами» разъяснено, что оценка того, является ли допущенное объединением граждан нарушение закона грубым и влекущим ликвидацию либо запрет деятельности объединения граждан, осуществляется судом. В этом же постановлении даны разъяснения, что относится к грубым нарушениям (п. 26, 27).

Как установлено судом первой инстанции и подтверждается материалами административного дела, в связи с требованием Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 7 декабря 2018 г. о проведении внеплановой проверки Движения на предмет соблюдения им законодательства о некоммерческих организациях и соответствия деятельности уставным целям Минюстом России в период с 14 января по 8 февраля 2019 г. проведена внеплановая документальная проверка Движения. По результатам этой проверки выявлены неоднократные и грубые нарушения административным ответчиком при осуществлении уставной деятельности законодательства Российской Федерации и положений устава.

Так, проведённая Минюстом России проверка установила, что протокол VIII внеочередного съезда Движения от 31 марта 2018 г. (далее – Внеочередной съезд) не соответствует положениям действующего законодательства, уставу, протоколам об избрании делегатов на данный съезд и содержит внутренние противоречия.

Представленные Движением протоколы общих собраний региональных отделений об избрании делегатов на Внеочередной съезд составлены с нарушениями действующего законодательства Российской Федерации.

Также имелись и другие нарушения.

Недостатки в оформлении документов, касающихся проведения Внеочередного съезда, не позволяют признать его легитимным, следовательно, его материалы не могут быть использованы для внесения изменений в учредительные документы организации.

Делая такой вывод, суд первой инстанции обоснованно учёл, что 8 апреля 2019 г. административным ответчиком в Минюст России были представлены документы о проведении IX съезда Движения 31 марта 2019 г., на котором утверждены Устав Движения в новой редакции и эмблема Движения.

Установлено также, что Движение не представило в Минюст России полные и достоверные сведения о его региональных и местных отделениях, что нарушило положения ст. 29 закона «Об общественных объединениях». В частности, не представлены решения (протоколы) о ликвидации отделений Движения в Республике Ингушетия и Ярославской области в порядке, предусмотренном уставом, а также решение Совета Движения и протокол общего собрания о создании Вологодского регионального отделения.

Пунктом 8.1 Устава определено, что организационной основой Движения являются местные и региональные отделения, однако сведения о местных отделениях Движения в Минюст России представлены не были.

В ходе проведения проверки Минюстом России выявлены также нарушения, касающиеся деятельности Совета Движения и контрольно-ревизионной комиссии.

Минюстом России одновременно выявлены признаки того, что административный ответчик является НКО, выполняющей функции иностранного агента, так как опосредованно получает денежные средства из иностранных источников и участвует в политической деятельности (абз. 1, 2 п. 6 ст. 2 Закона о некоммерческих организациях).

Распоряжением Минюста России от 12 февраля 2019 г. № 144-р Движение включено в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

Постановлением судьи Мещанского районного суда г. Москвы от 23 апреля 2019 г. Движение

признано виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 19.34 КоАП РФ (осуществление деятельности некоммерческой организацией, выполняющей функции иностранного агента, не включённой в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента), и ему назначено наказание в виде административного штрафа в размере 300 000 руб.

Данное постановление оставлено без изменения решением Московского городского суда от 22 мая 2019 г.

Также установлено, что Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций в 2019 г. возбуждено дело о совершении исполнительным директором Движения Пономаревым Л. А. административного правонарушения, ответственность за которое предусмотрена ч. 2 ст. 19.34 КоАП РФ (издание некоммерческой организацией, выполняющей функции иностранного агента, материалов и (или) их распространение, в том числе через средства массовой информации и (или) с использованием сети «Интернет», без указания на то, что эти материалы изданы и (или) распространены некоммерческой организацией, выполняющей функции иностранного агента) и направлено для рассмотрения в Мещанский районный суд г. Москвы.

Постановлением судьи Мещанского районного суда г. Москвы от 15 августа 2019 г. исполнительный директор Движения Пономарев Л. А. признан виновным в совершении указанного административного правонарушения, ему назначено наказание в виде административного штрафа в размере 100 000 руб.

Данное постановление оставлено без изменения решением Московского городского суда от 6 сентября 2019 г.

Совершение Движением и его должностным лицом – исполнительным директором Пономаревым Л. А. названных административных правонарушений с учётом разъяснений, изложенных в п. 27 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2016 г. № 64, свидетельствует о неоднократности нарушений закона, влекущих ликвидацию Движения.

Суд первой инстанции пришёл к обоснованному выводу, что Движением грубо и неоднократно нарушались нормы законодательства Российской Федерации и положения устава. В связи с этим имеются законные основания для удовлетворения административного иска.

В настоящее время противодействие иностранным НКО постепенно нарастает среди применяемых средств государственного принуждения, и прежде всего судебных и иных правовых институтов России. В ней ключевую роль играет Генеральная прокуратура Российской Федерации.

Так, например, по результатам изучения поступивших материалов на 26 мая 2021 г. Генеральной прокуратурой Российской Федерации принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации деятельности следующих иностранных неправительственных организаций, финансируемых ФРГ:

- *Forum Russischsprachiger Europäer e.V.* (Форум русскоязычных европейцев – ФРЕ);
- *Zentrum für die Liberale Moderne GmbH* (Центр либеральной современности – ЦЛС);
- *Deutsch-Russischer Austausch e.V.* («Немецко-русский обмен» – НРО).

Установлено, что их деятельность представляет угрозу основам конституционного строя и безопасности Российской Федерации. Информация о принятом решении направлена в Минюст России для внесения сведений в перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации, и их обнародования.

9 июля 2021 г. Минюстом России в перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации, вклю-

чены следующие иностранные неправительственные организации:

– *Spolecnost Svobody Informace, Z.S.* («Компания свободы информации, з.с.», «Общество свободы информации, з.с.», Чешская Республика);

– *European Choice* («Европейский выбор», Франция);

– *Oxford Russia Fund* («Оксфордский российский фонд», Великобритания);

– *Future of Russia Foundation* («Фонд Будущее России», Великобритания);

– *Khodorkovsky Foundation* («Фонд Ходорковского», Великобритания).

Организации включены в перечень в соответствии с ч. 1, 4 и 7 ст. 3.1 ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» и на основании решений заместителя генерального прокурора Российской Федерации от 29 июня 2021 г. и 30 июня 2021 г. [14].

23 июля 2021 г. Минюстом России в указанный перечень, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации, включена иностранная неправительственная организация *Project Media, Inc.* («Проект Медиа», США).

Организация включена в перечень в соответствии нормами приведенного выше закона и на основании решения заместителя генерального

прокурора Российской Федерации от 15 июля 2021 г. [15].

15 июля 2021 г. в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента, включена автономная некоммерческая организация «Институт права и публичной политики» [16].

В целом благоприятное отношение к НКО, которое сформировалось в предыдущие десятилетия, сохраняется и до настоящего времени у российского населения [17]. Как видно из исследования Общественной палаты России, значительная часть граждан считает допустимым финансирование НКО не только национальными ИР НЧК, но и зарубежными [18].

Действующий сценарий военно-политической обстановки (ВПО) во многом предопределяет развитие силовых (военных и невоенных) ИР НЧК.

Так, например, военно-силовой сценарий ВПО в первом десятилетии нового столетия, который откровенно угрожал нашей стране, стал главным мотивом начала военного строительства в России во втором-третьем десятилетиях.

Геополитическое значение развития ВПО, нарастающая мощь Китая в АТР заставило США радикально пересмотреть свои военно-политические приоритеты и планы военного строительства, политику в Центральной Азии в отношении Ирака, Афганистана и Сирии, где

¹⁴ <https://minjust.gov.ru/ru/events/48518/>

¹⁵ <https://minjust.gov.ru/ru/events/48534/>

¹⁶ <https://minjust.gov.ru/ru/events/48525/>

¹⁷ Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / пер. с англ. М.: Классика-XXI, 2005.

¹⁸ <https://report2018.oprf.ru/ru/3.php>

собственно прямое военное участие страны стало быстро сокращаться.

Это означает, что стали меняться и роль силовых институтов государств в новом веке, и, соответственно, *способы борьбы* – политические и правовые, информационные, экономические и прочие с такими институтами.

Дискредитирующей информации придаётся важное значение при формировании образа врага, а следовательно, и в сплочении любого этноса в соответствии с принципом «против кого дружим?». За короткий современный период, который можно выделить в стремительном развитии силовых функций государственных и негосударственных институтов, с 80-х годов прошлого века по наши дни, произошёл качественно новый процесс, характеризующийся следующими особенностями.

1. Наличие мощных электронных СМИ предоставило возможность тем, кто их контролирует, суще-

ственно менять не только общественное мнение, но и форматировать его, поэтапно трансформируя это мнение в свою противоположность, в заданном направлении.

Впервые это произошло в гитлеровской Германии в 30-е годы, когда в целом пацифистское общественное мнение пришло к фашизации в течение каких-то 7–10 лет, радикально изменив общественно-политические реалии и представления о них в стране.

В последующие десятилетия по мере развития электронных СМИ стало очевидным, что так называемые «окна Овертона»* – простая реальность, вытекающая из политического заказа и соответствующей политико-идеологической обработки населения. Стало ясно, что общественное мнение большинства граждан может быть изменено в нужном направлении за короткие отрезки времени (рис.).

Рис. Пошаговая схема внедрения аморально недопустимых явлений в обществе.

2. Инструменты «мягкой силы», т. е. организации, создающие привлекательный образ политики того

или иного субъекта, были превращены во многом в элементы политики «силового принуждения», когда от

* Своё название «окно Овертона» получило по имени американского социолога Джозефа Овертона, который в середине 90-х годов предложил концепцию оценки суждения общественного мнения и степени его приемлемости. Он описал технологию, которая действует на протяжении всего существования человека, но в древние времена она понималась интуитивно, подсознательно, а в век технологий обрела конкретные формы и математическую точность.

практики демонстрации преимуществ (нередко искусственных и мнимых) перешли к практике навязывания примеров и норм поведения.

3. Механизмы политики «силового принуждения», существовавшие до 80-х годов, были в 90-е годы публично политически легализованы, превратившись в основные силовые средства политического противоборства. В последующем это получило дальнейшее развитие, превратившись в противоречащую дипломатии практику политических провокаций, допущений и прочих приёмов, которые нашли своё выражение в циничных политических демонстрациях по типу «хайли-лайкли» (*highly likely*).

4. Произошла реанимация военно-силовых средств политики, хотя до 80-х годов самыми разными способами внедрялись концепции и идеи «потери значения военной силы» и «девальвации военно-технических средств».

Интервенция США и их союзников в Ирак (1990 г.) ещё воспринималась как акция «восстановления справедливости» и «наказания агрессии», когда постарались сделать вид, что это не возвращение к военно-силовой политике, а просто реакция на агрессию Ирака. В 1999 г., когда началась подготовленная агрессия НАТО против Югославии, этот поворот в использовании военной силы в политике тоже попытались выдать за гуманитарную акцию, но последующие военно-силовые действия США против Афганистана, Ирака, Ливии, Сирии и других государств сделали то, что и было реальностью в политике – вернули военную силу в политическую практику между отношениями субъектов МО.

5. Параллельно с этим разворачивался процесс нарастающего использования институтов в качестве инструментов политики «силового принуждения», где особенно важную роль стали играть негосударственные (и полностью контролируемые государством) институты развития человеческого капитала (ИР НЧК), прежде всего: НКО, СМИ, разного рода фонды, ассоциации и прочие ИР, которым в новом веке удалось решить стратегические политические задачи без применения военного насилия. При этом эффективность использования этих ИР НЧК по сравнению с военными средствами и мерами оказалась очень высока.

Так, если интервенция международной коалиции в Ираке обошлась порядка 1200 млрд долл., то переворот на Украине, по официальным оценкам, – порядка 5 млрд долл. (это только видимая в 2014 г. часть затрат США).

Естественно, что в таком противоборстве в конкретном субъекте мировой политики (в зависимости от политической ситуации) происходит поиск наиболее эффективных средств противодействия враждебным институтам, т. е. объективно развиваются процессы политической и правоприменительной практики, которые неизбежно в той или иной степени отражают существующие реалии как в мире, так и внутри страны.

Это происходит у субъектов международных отношений нередко стихийно, независимо от субъективных решений военно-политического руководства (оно может в силу конъюнктурных и меркантильных причин дистанцироваться от борьбы), однако выбор правящей элитой субъекта, в конечном счёте тех или

иных конкретных силовых средств прямо сказывается на появлении и использовании мер и средств противоборства.

Так, в относительно благоприятной мировой обстановке 90-х годов, которая стала во многом следствием односторонних уступок СССР и России, против последней использовались преимущественно инструменты «мягкой силы». Это были попытки представить в качестве идеального образ Запада, перенести на российскую почву ценности и представления, в том числе нарушающие интересы безопасности*.

Другие силовые инструменты (шантаж, подкуп и пр.) использовались против России скрытно, не афишировались, хотя нередко и откровенно нагло. Сочетание подлого (но не признаваемого публично) использования против СССР/России инструментов «мягкой силы» оказа-

лось возможным благодаря тому, что на стороне Запада стояла значительная часть авторитетной элиты страны, которая беспринципно действовала против национальных интересов. Представители этой части правящей элиты – коллаборационисты, компрадоры и откровенные предатели и преступники – просто воспользовались хаосом в стране для личного обогащения.

Идеологически всё это время в российском обществе менялся приоритет ценностей.

Примечательно признание авторитетного либерала в России – Д. Тренина, который в 2021 г. написал: «Наиболее серьёзным фактором слабости страны, являются низкие моральные качества властвующей – и одновременно владеющей богатствами страны – элиты современной России» [11, с. 81].

Представители Дж. Сороса фактически оказались в руководстве многих российских государственных институтов – экономики, науки, образования**.

Можно констатировать, что структурно организованного и методически проработанного противодействия в России создано не было, поэтому экономические, культурные, духовные, социальные и военные издержки «отношений с западными партнёрами» оказались огромными, вполне сопоставимыми с потерями СССР во время Второй мировой войны [9]. Кроме того, политика противодействия влиянию западных ИР НЧК развивается медленно, встречая достаточно организованное сопротивление у той части правящей элиты, прежде всего в экономике, финансах, образовании и науке, которая была сформирована в 90-е годы и сохранилась до настоящего времени***.

Обострение мировой обстановки к концу первого десятилетия нового века и попытки руководства России постепенно и достаточно осторожно вернуть государственный суверенитет и защитить национальные интересы, привели к нарастающему конфликту с Западом, который отчётли-

* Абсолютная неспособность власти в 90-е годы противопоставить свои инструменты «мягкой силы» продемонстрировала чеченская война, которая была проиграна не только террористам, но и тем, кто инспирировал их деятельность в политико-информационном плане.

** Многие из этих лиц и сегодня сохраняют руководящие позиции в этих областях жизни России.

*** По некоторым оценкам, в правящей элите страны доля сторонников либеральных ценностей во втором десятилетии XXI в. превышала 70%.

во проявился в августе 2008 г. после нападения Грузии на Южную Осетию и особенно после военного переворота на Украине. В этот период борьбы за возвращение суверенитета наравне с инструментами «мягкой силы» всё чаще и откровеннее стали использоваться инструменты политики «силового принуждения», а затем и военной силы: эскалация развития военно-силового сценария международной обстановки сопровождалась сменой инструментов силовой политики, точнее – добавлением всё более явных силовых инструментов к ассортименту «мягкой силы» институтов развития НЧК.

Это проявилось, в частности, в резком увеличении численности и активности военных сил Запада, участвующих в маневрах на территориях сопредельных государств, росте разведывательных полётов, провокациях (июнь 2021 г. в Чёрном море с британским эсминцем «Дефендер» и т. п.).

Параллельно с этим процессом в самой России шла политическая переоценка не только политических и иных приоритетов, но и значения институтов государства и общества в качестве средств и мер силовой политики, прежде всего с точки зрения противодействия нарастающему внешнему давлению. При этом собственно военно-технические программы стали ускоренно развиваться только со второго десятилетия: в Южной Осетии воевала ещё старая советско-российская армия с советским оружием и военной техникой [9], но уже с опытом не только афганской, но и чеченских войн. К тому времени особенности современных локальных войн нашли отражение в новых концепциях, делавших ставку на усиление политического содержания, использование Воздушно-космических сил (ВКС) и Сил специальных операций (ССО), координацию сил разведки, политиков и новейших информационных технологий [19].

Особенно быстро развивался поиск эффективных силовых политико-правовых и информационно-когнитивных мер и средств силового противодействия средствам и мерам политики «силового принуждения», которые через относительно короткий период стали доминировать в отношениях между государствами, существенно изменив характер международных отношений и дипломатическую практику, политическую риторику и даже характер общения между политическими лидерами.

Современная разработка научных, политических и правовых силовых мер противодействия является подготовкой к их применению в случае возникновения необходимости, а их отсутствие может вести к запаздыванию с реакцией на возникающие угрозы*. Эти меры и способы в конечном счёте

¹⁹ Усиков А. В. [и др.]. Военное искусство в локальных войнах и вооружённых конфликтах: вторая половина XX начало – XXI века / под общ. ред. А. С. Рукшина. М.: Военное издательство, 2009. С. 86–116.

* Типичный пример – приоритеты норм международного права над национальными нормами и интересами, сформулированные авторами Конституции РФ 1993 г., которые привели к серьёзным негативным последствиям в организации контртеррористической борьбы на Северном Кавказе и последующих мероприятий.

формируют ту конкретную политическую и правоприменительную практику, которая существует в настоящее время*.

Среди таких враждебных средств и мер, активно используемых в настоящее время против России, – средства распространения информации, прежде всего заведомо ложной либо искажающей действительность, которые предпринимаются СМИ и разного рода НКО.

Библиография • References

- Байгузин Р. Н., Подберёзкин А. И. Политика и стратегия. Оценка и прогноз развития стратегической обстановки и военной политики России. М.: Юстицинформ, 2021.
- [Bajguzin R. N., Podberyožkin A. I. Politika i strategiya. Ocenka i prognoz razvitiya strategicheskoy obstanovki i voennoj politiki Rossii. M.: YUsticinform, 2021]
- Гончаров В. В., Поярков С. Ю. Взаимодействие государства и гражданского общества в контексте конституционализма: теоретико-методологические проблемы и пути их разрешения // Современное право. 2015. № 5. С. 19–25.
- [Goncharov V. V., Poyarkov S. YU. Vzaimodejstvie gosudarstva i grazhdanskogo obshchestva v kontekste konstitucionalizma: teoretiko-metodologicheskie problemy i puti ih razresheniya // Sovremennoe pravo. 2015. № 5. S. 19–25]
- Зарудницкий В. Б. Факторы достижения победы в военных конфликтах будущего // Военная мысль. 2021. № 8. С. 34–47.
- [Zarudnickij V. B. Faktory dostizheniya pobedy v voennyh konfliktah budushchego // Voennaya mysl'. 2021. № 8. S. 34–47]
- Ильницкий А. М. Ментальная война России // Военная мысль. 2021. № 8. С. 29–33.
- [Il'nickij A. M. Mental'naya vojna Rossii // Voennaya mysl'. 2021. № 8. S. 29–33]
- Подберёзкин А. И., Александров М. А., Артамонов Н. В. Теоретические и математические методы анализа факторов формирования оборонно-промышленного комплекса / отв. ред. А. И. Подберёзкин. М.: МГИМО-Университет, 2021. – 478 с.
- [Podberyožkin A. I., Aleksandrov M. A., Artamonov N. V. Teoreticheskie i matematicheskie metody analiza faktorov formirovaniya oboronno-promyshlennogo kompleksa / отв. red. A. I. Podberyožkin. M.: MGIMO-Universitet, 2021. – 478 s.]
- Подберёзкин А., Родионов О. Институты развития национального человеческого капитала – альтернатива силовым средствам политики // Обозреватель-Observer. 2021. № 7. С. 33–47.
- [Podberyožkin A., Rodionov O. Instituty razvitiya nacional'nogo chelovecheskogo kapitala – al'ternativa silovym sredstvam politiki // Obozrevatel'-Observer. 2021. № 7. S. 33–47]
- Постановление Конституционного Суда РФ от 17 февраля 2015 г. № 2-П // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_137857/
- [Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 17 fevralya 2015 g. № 2-P // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_137857/]

* Надо подчеркнуть положение, в соответствии с которым не существует чисто правоприменительной практики в отношениях между субъектами МО и их институтами. Такая практика – иллюзия, проистекающая из преувеличенного значения норм права (своего рода «правового дебилизма»), которые в политических отношениях носят подчинённый характер.

- Постановление Конституционного Суда РФ от 8 апреля 2014 г. № 10-П // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_161690/
- [Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 8 aprelya 2014 g. № 10-P // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_161690/]
- Постановление от 1 мая 2005 г. № 1-П // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19910/
- [Postanovlenie ot 1 maya 2005 g. № 1-P // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19910/]
- Сноуден Э. Личное дело / пер. с англ. Л. Лазаревой. М.: Эксмо, 2020. – 416 с.
- [Snouden E. Lichnoe delo / per. s angl. L. Lazarevoj. M.: Eksmo, 2020. – 416 s.]
- Тренин Д. Новый баланс сил: Россия в поисках внешнеполитического равновесия. М.: Альпина Пабlisher, 2021. – 460 с.
- [Trenin D. Novyj balans sil: Rossiya v poiskah vneshnepoliticheskogo ravnovesiya. M.: Al'pina Pablsher, 2021. – 460 s.]
- Указ президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Доктрина информационной безопасности» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71456224/>
- [Ukaz prezidenta RF ot 5 dekabrya 2016 g. № 646 «Doktrina informacionnoj bezopasnosti» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71456224/>]
- Усиков А. В. [и др.]. Военное искусство в локальных войнах и вооружённых конфликтах: вторая половина XX начало – XXI века / под общ. ред. А. С. Рукшина. М.: Военное издательство, 2009. – 764 с.
- [Usikov A. V. [i dr.]. Voennoe iskusstvo v lokal'nyh voynah i vooruzhyonnyh konfliktah: vtoraya polovina HKH nachalo – HKHI veka / pod obshch. red. A. S. Rukshina. M.: Voennoe izdatel'stvo, 2009. – 764 s.]
- Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / пер. с англ. М.: Классика-XXI, 2005. – 421 с.
- [Florida R. Kreativnyj klass: lyudi, kotorye menyayut budushchee / per. s angl. M.: Klassika-HKHI, 2005. – 421 s.]
- <https://iz.ru/1176071/2021-06-08/v-gosdume-nazvali-obem-finansirovaniia-nko-inoagentov-v-rf-iz-za-rubezha>
- Biden J. R. Interim National Security Strategy Guidance. Wash.: White House, 2021. March. – 21 p.
- <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=64046867>
- <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=64687452>
- <https://minjust.gov.ru/ru/events/48518/>
- <https://minjust.gov.ru/ru/events/48525/>
- <https://minjust.gov.ru/ru/events/48534/>
- <https://report2018.oprf.ru/ru/3.php>

Статья поступила в редакцию 28 августа 2021 г.